

СТЕРЖЕНЬ СЕМЬИ

Надвигающийся выпуск - 2001 - 23 выпуск - в. 9, 11

Татьяна Михалкова рассказывает о своей свекрови Наталье Кончаловской

Многим памято, как моло-денька провинциальная девушка Татьяна, манекенщица с подиума, вдруг стала женой Никиты Михалкова - сына Сергея Владимировича Михалкова и Натальи Петровны Кончаловской. Так она вошла в дом Михалковых-Кончаловских, старый русский дом, хранящий семейные традиции Глебовых, Одоевских, Толстых, Суриковых. И вот сегодня Татьяна Евгеньевна вспоминает Наталью Кончаловскую.

Екатерина Варкан

ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА, то, что женщины как-то уравновешивают и экономические, и нравственные проблемы в любой семье, - это наше российское свойство?

— Как вообще в России многое держится на женщинах, так, мне кажется, мама — Наталья Петровна Кончаловская — была стержнем в семье Михалковых. Семья, конечно, формально всегда была защищена, потому что Сергей Владимирович во все времена имел статус и определенное положение в обществе. Духовное и творческое начало в семье, конечно, было и от мамы, которая имела глубокие сибирские корни — Кончаловский, Суриков. С семи утра в ее кабинете уже стучала пищущая машинка — она работала. Она уважала все, что было сделано своими руками, поэтому обвязывала внуков, шила одежду — вплоть до пальто. Я, когда вошла в дом девчонкой с подиума, ничего не умела. Она меня учила, и мы с ней вместе шили. Андрон всегда удивлялся: зачем вам все это надо? Но мы не только шили. Наталья Петровна вообще очень многое мне дала: подсказывала, что читать, как переводить детские книжки, чем я занималась.

Тогда еще немногие ездили за границу, и она всегда привозила что-то для хозяйства — какие-то поливалки и копалки, и все это использовалось в саду. Наталья Петровна сама выпекала хлеб, имелись и специальные шприцы для приготовления пирожных, много было собственных рецептов. Кстати, делала мама и кончаловку — это вода, настоянная на смородине. Она производила ее цельми бутылами. И всегда графины с кончаловкой стояли на столе. С нее пошла традиция настаивать

водку именно так (которую мы и сейчас продолжаем), а также умение варить варенья-пятиминутки. Как-то, уже много позже, Наталья Петровна подарила мне на день рождения огромный медный таз для варки варенья. Культа города не было, но был сад. У нас в саду до сих пор сохранилась желтая слива, которая каждый год засыпала нас плодами. Плющ обивал стволы яблонь, а жасмин, который она сажала, сейчас очень разросся.

Словом, многое Наталья Петровна делала своими руками и это любила. Когда приходили люди, она все с удовольствием показывала и рассказывала. В доме, в котором она всех собирала, был дух дома. Все усаживались за стол под абажуром, который она сделала тоже своими руками, — такой оранжевый, с висюльками, а внутри сетка. Я помню его все годы, что в семье. Сейчас, правда, он совсем поизносился, стал ветхий, ткань истлела, и мы решили его перетянуть. Так вот, когда собирались, читали вслух: Чехова, Толстого, Платонова. За долгими чаепитиями и Никита, и Андрон часто читали свои сценарии. Кипел самовар, растопленный шишками, и сейчас он тоже есть в хозяйстве. У наших детей, когда они маленькими были, даже обязанность такая была — шишки для этого самовара собирать. Сейчас, конечно, изменились жизнь и ритм, дети выросли, у взрослых свои занятия, поэтому собираемся редко — только в выходные или же по большим событиям.

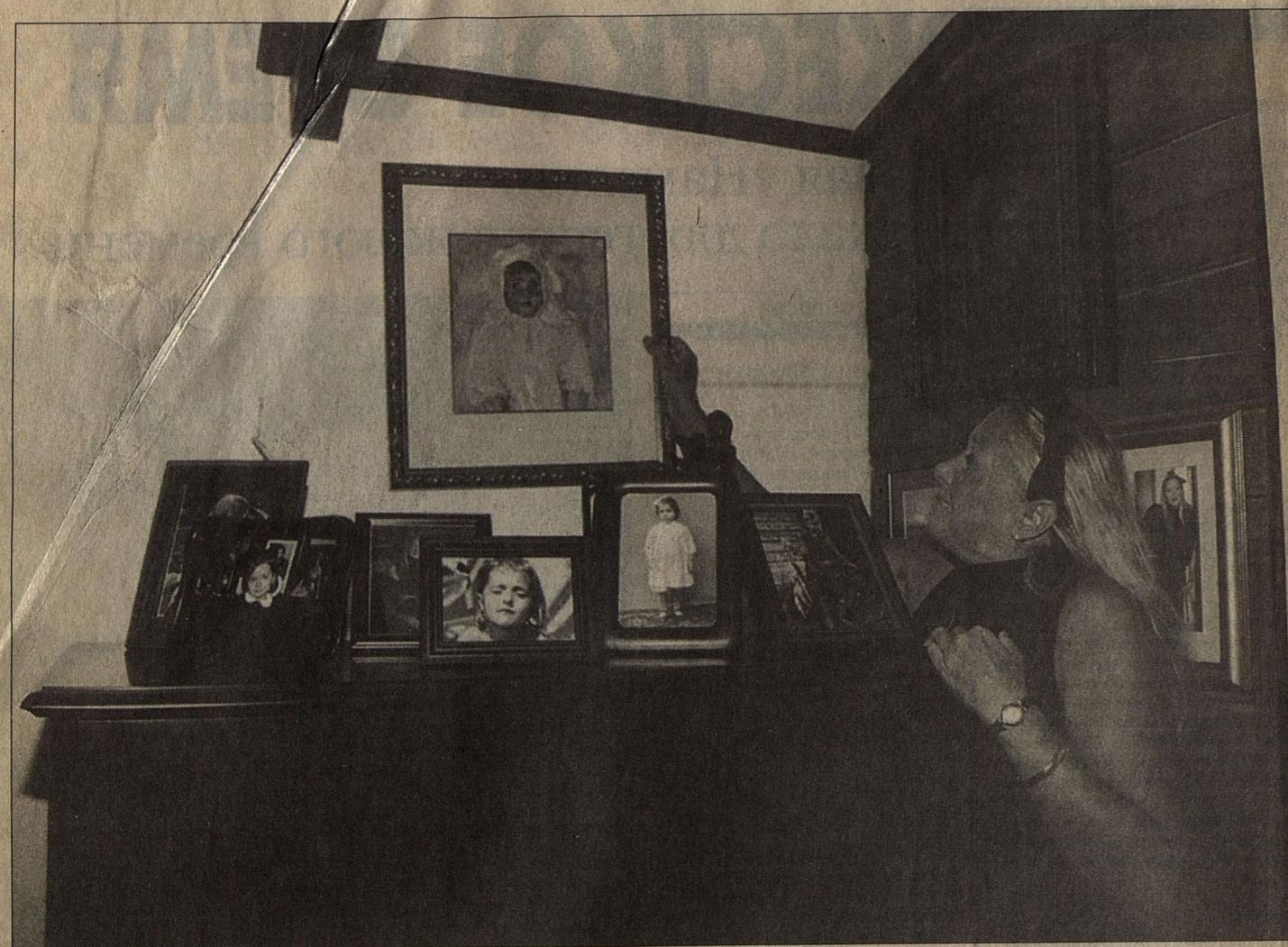
— Какие праздники в семье почитаются от родителей?

— Религиозные. В советские времена в церкви ходили украдкой и не знали, как Рождество праздновать или Пасху. Наталья Петровна этому всему нас учила: как резать кулич — не поперек, а вдоль и сверху пасхой мазать. От нее у нас остались и формочки для пасхи. Наталья Петровна была глубоко верующая, а вера тогда не приветствовалась, тем более при положении Сергея Владимировича. Никита — ее поздний сын. Она родила его в 45 лет, как говорила, вымогила у иконы Взыскания Погибших в церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке. Церковь эта даже горела, но чудотворная икона уцелела. Я помню, что уже своих детей — Тему — ездила крестить украдкой к ее духовнику, отцу Герману, бог знает за сколько километров: зима была, и даже молоко в бутылочке замерзло. Надюшку крестил специально приглашенный в дом священник.

Татьяна Михалкова.
Фото Петра Кассина (НГ-фото)

(Окончание на стр. 11)

Татьяна Михалкова показывает портрет Наташи Кончаловской работы Петра Кончаловского.

Святой угол в доме Михалковых. Киот Наталии Петровны.

СТЕРЖЕНЬ СЕМЬИ

Колокольчики на сливах.

Графинчик Наталии Петровны со знаменитой кончаловской.

Татьяна Михалкова в саду.

Фото Петра Кассина (НГ-фото)

(Окончание. Начало на стр. 9)

У Наталии Петровны был домашний иконостас, в который она переделаила шкафчик из карельской бересклеты, и всегда лампадка там горела. У нее не было икон дорогих и старинных, иногда даже картонных. Этот домашний иконостас от матери Никита сейчас перенес в себе в кабинет. Он в семье вообще самый верующий: всегда зажигает на ночь лампадки, как было у мамы. Помнишь еще, Наталия Петровна молитвы ему давала и благословляла, если он ехал куда-нибудь на съемку.

— А сохранились ли в доме картины Кончаловского?

— Я помню, как Наталия Петровна подарила нам два пейзажа — просто принесла и сказала: «Хочу, чтобы у вас было». Один — «Осень» — и сейчас висит у Никиты в кабинете, другой мы повесили в спальню. Кончаловские — семья очень большая, и картин Петра Петровича осталось много — даже неизвестно сколько точно.

Сейчас только начали их описывать.

А у нас сохранился еще портрет Наталии Петровны работы ее отца. Она там — маленькая девочка в платочке. Он его порвал как неудачный, а она потом склеила и сохранила.

Но вообще, вы знаете, не было такого — хранить. Казалось, что все будут жить вечно. Есть фотографии Сергея Владимировича Сурикова. Но мы как-то оказались вне вещей, и Сергей Владимирович, кстати, тоже. Я вспоминаю, когда Наталия Петровна захотела его как-то наказать и из его кабинета убрала портреты Петра Петровича Кончаловского, так он даже не заметил.

А у нас самих в быту все было из остатков. Что сломалось, разбилось, осталось и разрознилось, к младшему в семье попадало. Я даже не знаю почему — может быть, не созрели еще тогда, но

значения вещам не придавалось.

— Но какие вещи для Наталии Петровны были значимы?

— Наталия Петровна была не из тех женщин, которые копят, она была женщиной творческой — писала, переводила. Еще она любила свой уголок земли на Николиной Горе. На участках тогда был лес, но мало кто за них ухаживал. Наталия Петровна устраивала парк. Последние лет 25 она, не выезжая, жила только на даче, занималась только этим и все свои гонорары вкладывала в парк. Потом очень любила гулять по своему саду — ее манычжурский орех, скамеечка и кусты, тоже. Я вспоминаю, когда Наталия Петровна захотела его как-то наказать и из его кабинета убрала портреты Петра Петровича Кончаловского, так он даже не заметил.

А у нас самих в быту все было из остатков. Что сломалось, разбилось, осталось и разрознилось, к младшему в семье попадало. Я даже не знаю почему — может быть, не созрели еще тогда, но

— Нет. Я люблю пространство и стараюсь не связывать себя, не зависеть от вещей. Это не значит, что я вне материального мира, но мне нравится, чтобы в комнате воздух был. Я не люблю, когда все завешено, заставлено, мне тесно. Вот у Никиты — наоборот.

На участках тогда был лес, но мало кто за них ухаживал. Наталия Петровна устраивала парк. Последние лет 25 она, не выезжая, жила только на даче, занималась только этим и все свои гонорары вкладывала в парк. Потом очень любила гулять по своему саду — ее манычжурский орех, скамеечка и кусты, тоже. Я вспоминаю, когда Наталия Петровна захотела его как-то наказать и из его кабинета убрала портреты Петра Петровича Кончаловского, так он даже не заметил.

— Если это так, то во времена революции многое было утрачено. Те украшения, что были у Наталии Петровны, она отдала в Фонд мира. Она ведь была лидером этого движения, я помню,

как ее всегда чествовали. Говорят еще, что, когда Андрон снимал «Дворянское гнездо», он что-то взял из фамильного на съемки, там это и исчезло.

Я помню, сама Наталия Петровна была крупная и украшения любила такие же крупные. У нее был удивительный кулон с аметистом. Наши маленькие дети с ним играли.

С рождением внуков она дарила что-то невесткам, а Надюшке по ее завещанию остались сережки.

— Есть ли у вас привязанность к украшениям?

— У меня самой украшений не-много, но я к ним привыкаю. Вот

о мизинце кольцо-печатка — это наш герб. Никита сделал каждому в семье. Может быть, именно эти кольца и станут когда-то фамильными. Вот обручальное кольцо, оно очень необычной формы — как бы прямоугольное с гранью. Никита сам где-то заказывал и подарил к свадьбе, и глупо делать

новые и менять их на современный дизайн. Обручальная вещь — одноразовая.

— Кстати, а сколько лет вы женаты?

— Где-то 30 лет. Мы поженились тоже необычно — на съемках фильма «Свой среди чужих» в городе Грозном. Когда я сейчас паспорт меняла, все очень удивились, что штамп о браке Грозном поставлен.

Память — собственная вещь. Сейчас бы я, наверное, не надела и не купила бы чужого. В старинном что-то другое видно, другая жизнь. Вещи ведь несут память. Если уж ее нести, то только от своих семей. А к укращению себя ювелирными изделиями надо готовиться, и должен быть определенный тип женщины. Она тем и хорошо, что каждая женщина себя может украсить.

В обычной жизни украшения должны быть скромными. Роскошные — только на выходы: праздники и события. Я заместила, как

что мир вообще возвращается к роскоши. И сейчас на любом фестивале роскошные ювелирные фирмы выбывают известных лиц для демонстрации своей продукции. Когда мы были на Каннском фестивале с «Сибирским цирюльником», представители одной из известнейших фирм пришли перед церемонией к нам в номер буквально с миллионом бриллиантов. Вместе с миллионными украшениями мы получили двух здоровенных охранников, которые шли за нами след в след.

Сейчас на Московском фестивале тоже самое, только своим продвижением и имиджем занимаются отечественные ювелирные дизайнеры. Кстати, Джек Николсон, Шон Пен и другие тоже были лицами нашего фестиваля, и для любого ювелирного дома (как и дома моды) престижно, когда знают, что он любит охоту, и у него целая коллекция оружия.

— Так и было во все времена — пока мужчины охотились, женщины держали дом.

работают наши молодые дизайнеры.

— Ваши дети носят подарки бабушки?

— У Нади бабушкины сережки, но она маленькая и ничего в этом не понимает. У Анейки бабушкина брошь — на сейчас это как бы не очень модно. Мне же, когда родился Тема, Наталия Петровна подарила (мальчик!) брошь-звездочку — тоже особо некуда надеть.

— Мужчины в вашей семье носят украшения?

— Традиции нет, как нет и склонности. У Никиты есть запонки, но надевает он их, только когда положено по протоколу. Они не старинные и не бриллиантовые — он практичен. Вот ружье для него — вещь, но не запонки. Кстати, как-то мама к Никите на день рождения приехала с ружьем, зная, что он любит охоту, и у него целая коллекция оружия.

— Так и было во все времена — пока мужчины охотились, женщины держали дом.